

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ТАЙНА КРОВАВОЙ ЯЧКИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Тайна кровавой ночи / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Записки придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-225866-4

1904 год. В Казани зверски убиты две девочки. Пострадала и их соседка Эльвира Шиманова: из квартиры пропал ее годовалый сын, преступник ударил женщину по лицу утюгом, а тело истыкал ножом. Эльвира выжила, но потеряла зрение и слух, а потому показания давать была не в силах. Судебный следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов подозревает мужа потерпевшей, Зиновия Шиманова. Его со свертком под мышкой видел в тот день сосед. Однако позже выясняется, что у подозреваемого есть алиби... Сложная цепочка расследования закручивается все туже, пока сыщик не обращает внимание на одну деталь, забытую убийцей на месте происшествия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225866-4

© Сухов Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть I

ПРОПАВШИЙ РЕБЕНОК

• 1 •

**СТРАШНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
В АДМИРАЛТЕЙСКОЙ СЛОБОДЕ**

Вто самое время, когда судебный следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов обдумывал рискованный план — выступить живцом, чтобы наконец выманить и изловить однорукого стрелка (того самого, что успел оставить за собой кровавый след: четверо убитых в Нижнем Новгороде, затем четыре жертвы еще в Казани; среди них и вице-губернатор, человек заслуженный, деятельный, пользовавшийся всеобщим уважением), в городе произошло событие, потрясшее всех без исключения жителей.

Нечто столь выходящее из привычного ряда городских бед, что даже выдавшие виды люди понижали голос, рассказывая о подробностях случившегося. Событие это заставило обывателей впервые за долгое время по-настоящему ощутить хрупкость собственной жизни — ту самую, о которой обычно вспоминают лишь на похоронах да во время болезней. Настроение в городе переменялось: разговоры стали короче, взгляды — насто-

роженнее, вечерние улицы — пустынное. Тревога, словно сырой туман с Волги, проникала в дома, отравляя привычный уклад жизни.

Разумеется, известие о случившемся немедленно достигло ушей и коллежского советника¹ Воловцова, находившегося в Казани по служебному поручению.

А произошло вот что...

На исходе марта 1904 года в городской Адмиралтейской слободе на улице Жуковка в бывшем доме приват-доцента Адама Эмилюка, где ныне проживали две семьи, произошла страшная трагедия, о коей заговорил весь город и которая долго еще будоражила умы городских обывателей своей безумной звериной жестокостью.

Мешанка Авдотья Никифоровна Корякина в тот день вернулась домой немного позднее обычного: ее и других работниц полотняной фабрики Гольдмана на целый час задержало цеховое начальство. До фабричных работниц доводились какие-то новые положения, касающиеся трудовой дисциплины на фабриках и заводах, каковые, впрочем, никто особо и не слушал. Когда Авдотья Никифоровна открыла входную дверь дома и вошла в затемненное помещение, то сразу почувствовала что-то неладное: в доме стояла незна-

---

¹ Коллежский советник — в Табели о рангах это шестой классный чин, соответствующий армейскому полковнику.

комая мертвая тишина, чего вечерами никогда не наблюдалось. Не шумел годовалый Колька у Шимановых; не шалили обе ее малолетние дочки в их комнате; не бряцала посуда на общей кухне. Словом, тишина в доме установилась неприязненная и действовала на Авдотью Корякину весьма пагубно.

Авдотья Никифоровна прошла в комнатку дочерей и едва удержалась на ногах от ужасающего зрелища. Обе ее дочери лежали бездыханными. Старшая, Оксана, четырнадцати лет, лежала на кровати с подобранными к животу коленками. Голова ее была размозжена, волосы слиплись от обильно пролитой крови и казались приклеенными к голове. Глаза и рот оставались полуоткрытыми, как будто девочка собиралась что-то произнести, да не успела. Младшенькая, Юлия, двенадцати лет от роду, лежала на полу, раскинув в стороны руки. Затылок ее представлял кровавое месиво — созерцать такое было невозможно и невероятно страшно. Обе девочки лишены жизни с особой жестокостью. И все же Авдотье Корякиной никак не хотелось верить, что эти мертвые девочки — ее дочери, ее кровинушки, ее радость несказанная... Ведь, когда она уходила на фабрику, Оксана и Юлия были живы, веселы, жизнерадостны. И такого с ними никак не могло произойти: утром они еще живы, а вечером — мертвы. Не может такого быть! Материнское сознание отказывалось принимать очевидное: «Наверное,

это какие-то чужие дети, почему-то оказавшиеся в комнате дочерей. Но точно — не мои...»

Однако это было еще не все. Кровавые следы вывели Авдотью Корякину из ее комнаты сначала в коридор, а потом в комнату соседей. Она совсем не удивилась тому, что увидела в спальне соседей. Там, на деревянном полу, в луже крови, лежала Эльвира Шиманова — Авдотья узнала ее лишь по одежде. Голова соседки представляла кровавое месиво — лица не разглядеть, оно попросту отсутствовало. Кроме того, все ее тело было истыкано ножом. Неподдалеку, также в лужице крови, лежали тяжелый чугунный утюг и сломанные очки. И отсутствовал сын Шимановых, годовалый улыбчивый Колька, который едва научился ходить. Куда он подевался — было непонятно. Может, куда спрятался? Но искать соседского мальчишку Авдотья Корякина не собиралась. Когда свои дети убиты, какое дело до чужих детей?

Конечно, Корякина не сразу нашлась, что ей следует предпринять. Неподвижным взглядом взирала в немую черную пустоту. Понемногу приходило осознание совершенного злодеяния: Оксана и Юлия убиты и уже никогда не улыбнутся при виде матери, а она не посмотрит ласковым взором в их светлые и лучистые глаза. Как такое возможно вынести? Где взять на это силы? И нужна ли ей вообще сама жизнь после смерти дочерей? Не находилось слез, чтобы выплакать горе, как не было и твердости для того, чтобы сделать последующий

шаг... Ноги более не держали, и Авдотья Никифорова сползла по стеночке и просидела так на полу неизвестно сколько времени, невесть о чем думая, да и думая ли вообще. Потом, собрав в теле оставшуюся крепость, поднялась на ноги, предательски задрожавшие. Пошатываясь и придерживаясь поначалу за стены, далее за перила крыльца, медленно ступая, вышла из дома и дотопала до соседей, благо что идти было недалече. Постучалась несильно в оконце. Через минуту занавеска колыхнулась и в оконце показалась соседка Клавдия. Авдотья Никифорова махнула ей рукой: выйди, мол. Та, оживленно кивнула и, накинув на себя просторный салоп и шалюшку, выбежала из дому:

— Господи, что с тобой, Авдотья? На тебе же просто лица нет! Что случилось?!

— Несчастье у меня, Клава, — тихо вымолвила Авдотья Никифорова и пошатнулась. И упала бы, не ухватись за ствол березки.

— Какое такое несчастье? — участливо глянула на нее Клавдия Ивановна.

— Девочек моих... Оксану и Юлечку убили, — выдохнула Корякина, и ее снова шатнуло.

Соседка прикусила губу:

— Как так — убили?!

— Головы им размозжили, — еле слышно ответила Авдотья, задыхаясь, будто бы от быстрого бега. — Попросить тебя хочу — сбегай за городовым. Я сама не могу, сил никаких нет. До тебя едва дошла.

— Ладно, — запахнула на себе салоп Клавдия, тревожно поглядывая на Авдотью, которая раскрытым ртом хватала морозный воздух, как выброшенная на берег рыба, и добавила: — Конечно. Я мигом...

* * *

Городовой, которого привела соседка Клавдия, оказался огромного роста и невиданной силы и напоминал циркового борца.

— Это сюда, что ли? — указал он на распахнутую дверь.

— Сюда, — прошелестела губами Авдотья.

Громко затопав каблуками по дощатому крыльцу, полицейский вошел в дом. Пробыл он в помещении самую малость: очевидно, прошелся по комнатам, окинул взглядом царящую там обстановку и решил поскорее ретироваться. Смотреть на то, что произошло в комнатах Корякиных и Шимановых, было невыносимо — боль и страх доходили до предела, который не всякий крепкий мужчина выдержит.

Выйдя из избы, городской во всю мощь легких глотнул студеного воздуха и тотчас с шумом выдохнул.

— Да-а, — только и сумел произнести он.

Женщины со скорбным молчанием взирали на полицейского, ожидая его решения. Казалось, что тот не торопится. В действительности, потрясенный увиденным, он понемногу приходил в себя.

Наконец он заговорил:

— Ничего в доме не трогайте, — и, не дожидаясь ответа, побежал рысцой прочь.

— Ты куда? — окликнула его Клавдия.

— Я скоро, никуда не уходите и никого не пускайте в дом, — не оглядываясь, крикнул он и припустил еще швыдче.

Клавдия Ивановна, потоптавшись у крыльца, все же решилась взглянуть, что там произошло: вошла в дом (вот оно, женское любопытство) и едва ли не вылетела из него, размахивая, будто крыльями, руками и с лицом, побелевшим как полотно:

— Кто же это их так, бедных? Вот горе-то какое навалилось! Как же тебе, милая, все это выдержать? Господи помилуй! — в страхе перекрестилась женщина.

Авдотья Корякина мельком глянула на соседку, опустила на ступеньки крыльца и впервые за все время, прошедшее с момента возвращения с работы домой, ухватившись за голову, завывала в голос. Ведь там, в ее квартире, лежали с размозженными головами не какие-то чужие девочки, а ее родненькие дочери — это она теперь поняла отчетливо и ясно. Завывала горько, тоскливо и безнадежно. Так скорбят люди, встретившие смерть. Или готовые принять ее, смирившись с неизбежностью и не имея ни сил, ни возможности к сопротивлению. Потому как жить стало уже невмочь — душа была полна кровавой тоски, сердце

заколотилось так, словно хотело расколоться на куски о грудную клетку. Глядя на товарку, зарыдала и соседка Клавдия. А когда женщины горько плачут — это всегда худо...

Вернулся запыхавшийся городской. Верно, успел быстро добежать до полицейского участка на Московской улице и доложить о произошедшем на Жуковке начальству, поскольку с ним пришли участковый пристав Городецкий и полицейский надзиратель Полторак. Следом за ними с интервалом не более получаса прибыли городской врач Коноплянкин, частенько привлекаемый для осмотра мест происшествий с имеющимися жертвами, в частности с покойниками, и судебный следователь Глушко. Как только они приступили к осмотру трупов, — а начали они с Эльвиры Шимановой, — то врач Коноплянкин, сидевший возле нее на корточках, заметив слабое дыхание женщины, едва не закричал во весь голос:

— Господи! Она без памяти, но жива. Дышит!.. — И уже совсем тихо: — Как такое вообще может быть? Бедная...

Остальные подбежали, глянули на окровавленное тело женщины: и правда, дыхание почти незаметное, мелкое и частое, но имеет место быть. Невероятно: принять столько ударов и ранений по всему телу, весьма тяжелых и, скорее всего, несовместимых с жизнью, и на тебе — не отдать богу душу и выжить вопреки всему самому страшному! Случается же на свете нечто необыкновенное...

Конечно, то, что женщина была еще жива, можно было абсолютно без натяжки назвать чудом. Вот только вопрос: может, лучше было бы ей все же умереть, нежели продолжать жить? Ибо то, что последует позже, вряд ли можно будет назвать жизнью...

— Городовой, давай быстро за повозкой! — распорядился судебный следователь Глушко.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие, — откликнулся полицейский и тотчас выскочил со двора.

Обернулся быстро; отерев вспотевший лоб и переведя дыхание, доложил:

— Ваше высокоблагородие, повозка найдена и ожидает на улице.

— Хорошо, голубчик, — отозвался судебный следователь. — А теперь со всем бережением выносите женщину из избы и на повозку. — Слегка повысив голос, добавил: — И постелите что-нибудь под тело! Не на мерзлом же ей ехать!

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие, — с готовностью отозвался городовой. — Там в сенях тулупчик висел, вот мы его и постелим.

Женщине доктор Коноплянкин успел оказать какую-то первую помощь — перевязал голову бинтами, наложил марлевую повязку на живот, надеясь унять проступающую кровь. Аккуратно, стараясь не трясти и как-нибудь ненароком не навредить, пострадавшую женщину вынесли из спальни. Так же аккуратно погрузили в повозку